

Д.Г. Богушевич

*Минский государственный лингвистический университет,
г. Минск (Беларусь)*

D.G. Bogushevich

Minsk State Linguistic University, Minsk (Belarus)

**КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКА.
КОММУНИКАТИВНАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ**

**COMMUNICATIVE MODEL OF LANGUAGE.
COMMUNICATION ADEQUACY**

Ключевые слова: язык, коммуникативная модель языка, коммуникативная достаточность, стратегическая система, структура языка

Keywords: language, communicative model of language, communication adequacy, strategic system, the structure of language

В статье рассматривается язык как уникальное средство организации любой деятельности и доказывается его пятичастная структура.

The article deals with language as a unique tool for organizing all activities and proved its five movement structure.

В предыдущих публикациях (Богушевич, 1985; 1998) были представлены доказательства того, что язык следует считать универсальным средством организации любого вида деятельности (и в первую очередь — межличностной). В публикации 1998 года была дана коммуникативная квалификация знаков, основанная на контекстной и ситуативной свободе и связанности (необходимо отметить, что предложенная коммуникативная классификация не противостоит и не отменяет другие классификации, основанные на иных свойствах знаков), а также предложена пятичастная структура языка (ролевая система, стратегическая система, система языка, операциональная система и манифестация). Однако эта пятичастная структура была только показана, не была *доказана* необходимость каждой из этих частей. Именно это и является задачей данной публикации.

То, что язык представляет собой универсальное средство организации любой деятельности, не вызывает сомнения практически у всех лингвистов. Однако лингвистика только последние полвека обратилась к систематическому и углубленному рассмотрению круга проблем, связанных с ролью языка, а точнее, речи, в организации межличностного взаимодействия. Исследования в рамках прагмалингвистики, конверсационного анализа, этно- и социолингвистики, установили некоторые наиболее важные особенности использования языка в различных

условиях. Основными вопросами, которые пытались решать языковеды, были проблемы отношения семантики высказывания и его прагматической направленности, структуры эпизодов общения, влияния культурных и социальных характеристик общающихся на их речь, влияния психологического типа общающегося на реализацию речевых актов. Предпринимались также попытки определить стратегии и тактики коммуникантов, и использование языка как средства власти и так далее.

В то же время оказалось, что полученные в результате многочисленных исследований закономерности имеют ограниченные области действия, а определенные правила языкового поведения постоянно нарушаются. Более или менее устойчивые правила обнаруживаются в письменных текстах и в ситуациях публичного общения. Все это означает, что наша речь регулируется некоторыми принципами, для которых она, то есть речь, является только инструментом, а не основным объектом регуляции.

Поскольку язык является средством, его структура определяется целью (функцией) и тем, как эта цель достигается. Организация деятельности осуществляется путем обмена знаками. Необходимо напомнить, что термин знак был определен как все, что дает возможность языку осуществлять свою функцию, поэтому под него подводятся все единицы языка (функционально-структурная классификация знаков будет предложена в следующих публикациях. Более раннюю версию см. Богушевич 1985, где, однако высказывание ошибочно разделено на две единицы и отсутствует одна из важнейших единиц — коммуникативная роль).

Эти четыре абзаца были необходимы для того чтобы обозначить тот круг объектов, о которых пойдет речь. Цель публикации можно сформулировать следующим образом: показать необходимость пятичленной структуры языка, рассмотрев как используются знаки для достижения цели языкового общения. Это означает, что необходимо найти основной, ведущий принцип общения, который должен определить то, без чего использование языка не может быть успешным.

Начиная с 70-х годов было предложено множество принципов общения, связанных с различными его аспектами. Однако только два из них претендуют на охват всех аспектов общения. Это Принцип Кооперации (Grice, 1975) и Принцип Вежливости (Leech, 1983). Эти принципы наиболее популярны и наиболее часто используются в лингвистических исследованиях, поскольку предполагается, что они относятся ко всем аспектам общения — форме, содержанию и функциям. Однако применение их к конкретному языковому материалу показало, что это далеко не так.

Прямое назначение этих принципов — объяснить непосредственный процесс общения, поэтому они применимы к наиболее крупным языковым образованиям. Их невозможно без существенной модификации использовать для объяснения свойств единиц меньше предложения. Так ни один из

постулатов этих принципов не сможет объяснить морфемную или фонемную вариативность.

Кроме того сами Максимы (постулаты) не всегда применимы к реальным эпизодам общения, что вызвало появление понятия имплицатура, которое описывает случаи нарушения постулатов Принципа Кооперации. Эти нарушения, как правило, связывают с обычаями, существующими в данной культуре, т.е. в конечном счете, с действием постулатов Принципа Вежливости. То, что эти два принципа могут противостоять друг другу, еще не лишает их статуса всеобщих. Они могли бы считаться всеобщими, но действующими каждый в своей сфере: Принцип Вежливости охватывал бы форму социального поведения коммуникантов, а Принцип Кооперации — содержательно-деятельностную сторону общения.

Но эти принципы оказываются не всеобщими, поскольку они не охватывают всех вариантов вербального общения. Они не могут объяснить существования таких речевых актов как угроза, оскорбление, принуждение. Согласно этим принципам невозможно так называемые жесткие стратегии общения. Эти принципы прямо запрещают такие виды общения как, например, полемика или реклама. Однако, если мы согласимся с тем, что язык есть универсальное средство организации любого вида деятельности, то мы сможем вывести основной принцип общения. Для того чтобы найти основной принцип общения необходимо рассмотреть, что требует от языка процесс организации.

Деятельность (в том числе и межличностная) представляет собой комплекс действий. Межличностная деятельность предполагает при этом и дополнительные действия по координации усилий партнеров. Эти координирующие, организующие действия не должны усложнять деятельность.

Предположим, что последовательность, структура и интенсивность организующих деятельность сигналов не вариативна, т.е. все указанные признаки неизменны. Но тогда и сама деятельность, а именно порядок включенных в нее действий строго фиксированы. В таком случае лучшим приспособительным механизмом становятся безусловные рефлексы, поскольку структура такой деятельности ничем не обусловлена.

Поскольку же сама такая деятельность должна иметь жесткую, повторяющуюся, невариативную структуру, знаки, используемые в такого рода деятельности, могут быть только сигналами, т.е. ситуативно связаны, т.к. их значение определяется той деятельностью, в которой они используются, и контекстуально свободны, поскольку у них нет и не может быть знакового контекста — каждый из них связан с одним и только одним эпизодом развития *деятельности*, а не с развертыванием текста.

Но такого рода невариативная деятельность предполагает, что и реакция объекта деятельности также невариативна.

Однако, как известно, такие ситуации далеко не самые распространенные. Чаще всего объект деятельности реагирует не единственным способом. Это означает, что в каждый момент перехода от одного действия к другому участникам деятельности предстоит определить по реакции объекта воздействия то, какое действие необходимо произвести и, следовательно, какой необходимо подать сигнал. Поскольку же объект деятельности может реагировать неединственным способом, то и воздействие участников деятельности на объект также может и должно быть неединственным. Поэтому на каждом шаге деятельности для ее успешного продолжения участникам необходимо сделать выбор из некоторого набора действий и, следовательно, подать не любой, а **один определенный сигнал из некоторого определенного набора сигналов**, такой сигнал, который **НЕОБХОДИМ** на данном этапе развития деятельности и включает одно необходимое на данном этапе действие, которое, по мнению участников должно привести к успешному развитию деятельности. При этом такой сигнал должен быть не только необходимым, но и достаточным для данных условий, поскольку как недостаток, так и избыток могут привести к неудаче.

Следовательно, реализация сигналов, обеспечивающих успешность некоторой деятельности в условиях вариативности реакции объекта деятельности подчиняется принципу *необходимой достаточности*, что соответствует несколько позабытому принципу экономии усилий, введенному А. Мартине и постулату релевантности Принципа Кооперации П. Грайса.

Вариативность действий в структуре деятельности и связанное с этим образование групп сигналов, из которых необходимо осуществлять выбор необходимого и достаточного при данных условиях, приводит к значительному усложнению всего механизма сигнализации и придает сигналам дополнительные характеристики. Первая и наиболее существенная новая характеристика, появляющаяся у сигналов в вариативной деятельности, состоит в том, что каждый сигнал, используемый в ней и имеющий определенную структуру и интенсивность, связывается с одним определенным видом действий. Иными словами, сигналы получают *ЗНАЧЕНИЕ*, они становятся *представителями* соответствующих действий и получают способность к *СИМВОЛИЗАЦИИ*.

Одновременно следует отметить, что значение этих сигналов сразу же оказывается двуслойным. С одной стороны значение сигнала определяется его связью с тем действием, представителем которого он является. С другой стороны его значение также определяется тем, что Ф. Де Соссюр называл значимостью, а именно тем, как данный сигнал соотносится с другими сигналами, которые могут быть использованы на данном этапе развития деятельности. Иными словами, первый тип значения можно назвать денотативным, а второй - сигнификативным. Следовательно, денотативное и сигнификативное значения оказываются признаками, необходимыми для

успешного развития организующей деятельности, и поэтому присущи любому знаковому образованию.

Следовательно, структура и интенсивность организующих деятельность сигналов должна быть такова, чтобы они соответствовали той степени усилия, которая необходима для данного конкретного вида деятельности в данных конкретных условиях. Если интенсивность организующих деятельность сигналов и сложность их структуры недостаточна, то деятельность не будет успешной. Если интенсивность организующих деятельность сигналов и сложность их структуры слишком высока, то деятельность будет затруднена и может, в конце концов, оказаться не удачной. Следовательно, сигналы, имеющие разные физические параметры могут оказывать идентичное воздействие на организацию деятельности. Поэтому индивиды, принимающие участие в деятельности, должны уметь идентифицировать физически отличающиеся сигналы, т.е. обнаруживать у них одно и то же значение. А это означает, что они должны иметь некоторую общую систему, включающую возможность выявления всех возникающих во время организации межличностной деятельности смыслов (о различении значения и смысла будет сказано в следующих публикациях этой серии). Это и есть та система, которую мы назвали в предыдущей публикации "системой языка". Поскольку элементы системы языка реализуются в речи своими вариантами, различающимися степенью оптимальности (уместности, достаточности) влияния на организацию деятельности, то для успешного их (элементов) использования необходим механизм, который переводил бы эти варианты в речь в соответствии с наличными условиями общения. Таким образом, можно считать, что язык (напомню, что "язык" здесь обозначает весь комплекс, традиционно расчленяемый на *langue*, *langage* и *parole*) подчиняется законам прагматической достаточности: **в ходе общения используются такие варианты, которые коммуникант полагает необходимым и достаточным для достижения своих целей.**

Сформулированный таким образом принцип общения позволяет получить конструктивную основу для объяснительных и конструктивных теорий процессов производства и восприятия явлений языка, поскольку предполагает распространение своего влияния на все их аспекты. Одновременно он делает прагматическую сторону знака определяющей все остальные: и семантика, и синтактика, и форма служат для того, чтобы коммуникант смог использовать знак для достижения своих целей.

Итак, поскольку основным коммуникативным принципом является принцип *прагматической достаточности*, речевые сигналы, которые в процессе общения становятся знаками, с необходимостью вариативны. Эта вариативность усложняет систему общения и приводит к необходимости образования особых механизмов в языке. Эти механизмы служат для приспособления знаков к конкретным условиям развития эпизода общения и

оказывают влияние на все его характеристики — формальные, семантические и прагматические

Наиболее явно зависимость реализации от прагматических условий проявляется в фонетическом стратуме. Во всех языках есть полный и неполный стили речи. Прямым и очевидным проявлением этого принципа следует признать явление опрощения. Мы вряд ли помним, что наше «пожалуйста» (которое в полной форме вряд ли теперь звучит) и «спасибо», результаты стяженных словосочетаний. Только лишь узкий круг специалистов опознает в современном английском *lord* сложное слово со значением «охранитель хлеба», так сказать, «завхоз», а в *lady* — «месящую хлеб» (завстоловой, что ли). Этот же принцип позволяет нейтрализовывать оппозиции, и не только фонетические.

В английском языке имеется позиция абсолютной грамматической нейтрализации. Это позиция между детерминантом и существительным, в которой может быть только определение, чем бы оно ни было выражено — словом, словосочетанием, предложением. В этой позиции не могут быть только личные формы глагола и инфинитив, поскольку группа «V+N», понимается как глагол с прямым дополнением. Этим же объясняются и возможность эллипса, с одной стороны, и парцелляции, и присоединения — с другой. Этот же принцип эксплуатирует и немецкое словосложение.

Приведенные выше примеры показывают, что коммуниканты изменяют некоторый образ знака, который существует в системе языка, производя над ним различные операции. В указанных примерах это были операции усечения, свертывания формы знака. Эти операции описывают то, что совершает тот коммуникант, который производит данный знак. Другой же коммуникант, тот, который воспринимает знак, производит идентификацию полученного сигнала с образом знака, который хранится в его системе языка.

Нужно отметить также, что принцип прагматической достаточности предполагает, что знак появляется тогда и только тогда, когда говорящий желает оказать некоторое воздействие на своего партнера, а слушающий ожидает какого-то воздействия. Если хотя бы одно из этих условий не соблюдается, то коммуникация либо вовсе не осуществляется, либо происходит коммуникативная ошибка. Я позволю себе привести обширный отрывок из романа, в котором описывается сознательное, но не рассчитанное на имплицатурность, нарушение постулата релевантности, то есть расширение структуры знакового образования, а также реакция на это слушателей. Непредвиденная реакция одного из слушающих приводит говорящего к серьезным опасениям.

Для понимания отрывка необходимо кратко описать обстановку. Некоторая фэнтезийная страна как бы добровольно сдалась пришельцам-завоевателям, которых возглавляет демон со вспыльчивым характером. Он может в гневе покалечить и даже убить того, кто вызвал его недовольство.

Бывший король страны (Шеллар) стал доверенным советником демона, именуемого наместником Повелителя, и одновременно руководит подпольным сопротивлением. Правительство завоевателей обсуждает вопрос о том, кто должен сообщить наместнику о том, что он не пришел на заседание:

«...донья Хосефина ... намекнула, что советник мог бы сделать это и сам, как пользующийся особым расположением.»

– Я понимаю, – с самым серьезным видом согласился Шеллар, – вас склоняет к подобному предположению тот факт, что у меня осталось еще три целых конечности и две челюсти в придачу. Однако считаю уместным заметить, что у прочих присутствующих, вдобавок к вышеперечисленному имеется еще по одной целой ноге и неповрежденному носу, что делает их более подходящими кандидатами на совершение подвига.»

В этом высказывании Шеллара нарушены по крайней мере два постулата принципа кооперации. Во-первых, это постулат релевантности. Шеллар ничего не говорит о его отношениях с наместником. Кроме того, нарушен и постулат количества, поскольку Шеллар сообщает информацию, известную собеседникам, и в то же время не сообщает им, что он отказывается говорить с наместником.

Тем не менее, его высказывание полностью соответствует его целям и его собеседники реагируют на него именно так, как и рассчитывает Шеллар. Одному из них сама форма высказывания Шеллара откровенно не нравится:

«Брат Вольдемар скривился, словно о зубной боли. Шеллар давно заметил, что подобные образцы высокого канцелярского слога оскорбляют поэтический слух министра, и при каждом удобном случае старался доставить ему это удовольствие.»

Другой собеседник в форме высказывания обнаруживает импликатуру, а именно – намек на его необразованность:

«Брат Хольс сердито нахмурился – он тоже не любил, когда ему напоминали о его босяцком происхождении и вопиющей необразованности. Не для того он достигал вершин власти, чтобы еще каким-то глупостям учиться, достаточно того, что грамоту осилил и труды Повелителя прочел.»

Следующий собеседник попросту не понимает, что было сказано:

«Брат Чи скорбно полез в словарь – с обреченным видом человека, заранее знающего, что искомого не найдет, а если найдет, то не сможет сложить найденное в целостную фразу, обладающую смыслом.»

Еще одна участница совещания попросту испугана возможными действиями наместника:

«Донья Хосефина слегка изменилась в лице – видимо, представила себя на костылях и со сломанным носом, в дополнение к прочим ее несравненным прелестям.»

Следующий участник пытается, правда безуспешно, обнаружить какую-либо импликацию:

«Брат Павсаний засопел сильнее, подозрительно поглядывая на окружающих: а не скрывается ли в столь сложном для понимания обороте какое-нибудь тайное оскорбление его персоны?»

И, наконец, еще один понимает причины, побудившие Шеллара оформить свой отказ от общения с наместником именно таким способом:

«Брат Аркадиус посмотрел на советника с отеческой улыбкой и покачал головой: дескать, зачем же провоцировать конфликты?»

Однако не все участники данного эпизода общения прореагировали так, как как предполагал говорящий. Один из них попытался проникнуть в то, что можно назвать причиной не только данного речевого действия Шеллара, но и мотивы поведения говорящего в целом:

«Шеллар в первый момент даже не понял, что не так. Вроде все реакции предсказуемы и проверены, откуда странное ощущение, будто где-то произошел сбой и что-то пошло вопреки привычному порядку? Он наскоро обежал глазами явившихся на совещание братьев – а вдруг кого-то просто нет? – и вмиг понял, в чем дело. Нет, все на месте. Просто один из них повел себя не так, как всегда. Знаток и ценитель бюрократической словесности брат Чань обычно в подобных случаях едва заметно усмехался и слегка приотпускал веки, выражая тайное одобрение. Сегодня же он словно пропустил замечание мимо ушей, занятый своими мыслями. Казалось бы, ладно, задумался человек, прослушал, с кем не бывает. Но в тот момент брат Чань вовсе не о философских тайных смыслах задумался и не о грядущем отчете. Он смотрел на брата Шеллара, пристально и внимательно, словно что-то анализировал.

Неужели подозревает? И если да, то на чем он прокололся? А если нет, какое иное объяснение можно найти?..» (Панкеева)

Сказанное выше наводит на мысль о том, что язык в онтологическом смысле представляет собой систему операций, причем операций двух родов. Во-первых, коммуниканты производят действия над самими знаками, приспособляя их к условиям общения и идентифицируя их. Для этого рода операций объектом оказывается сам знак. Во-вторых, коммуниканты воздействуют друг на друга при помощи знака. В этом случае они сами оказываются объектами операций, а используемые ими знаки — инструментами. Коммуникативной теория языка может быть, если она в должной мере учитывает операциональную, деятельностьную основу языка и попытается объяснить эти два рода операциональных систем и их связь

Нужно отметить, что лингвисты выделили лишь некоторые операции с единицами языка. Часть из них даже в некоторой степени формализована: выбор, соединение, удаление, подстановка (Chomsky, 1986; Shaumyan, 2007). При этом у С.М. Лэма и его последователей из нейрокогнитивной

лингвистики единицами оказываются импульсы, возбуждающие эти операции, а операции определяют дальнейший путь импульса. Н. Хомский, С. Шаумян и разные направления генеративных, трансформационных и аппликативных грамматик полагают, что операции производятся над единицами.

Существенные для коммуникативной теории языка представляются два вопроса: 1) Одинаковые или разные действия производят участники общения? и 2) Если действия коммуникантов не полностью совпадают, то, что регулирует их совместимость?

В 60-70-х годах прошлого столетия предпринимались многочисленные попытки создать грамматику говорящего и грамматику слушающего. Эти попытки не увенчались успехом, но они показали, что действия участников общения не полностью совпадают. Фактором, координирующим разнонаправленные операции участников общения, представляется упорядоченность, аранжировка семантических операций, своеобразный (для какого-то языка) семантический ритм. В английском языке семантический ритм создается на позиционной основе. Английские именные и глагольные группы построены по единому, никогда не меняющемуся образцу. На первом месте располагается указание на синтаксическую функцию группы – предлог в именных фразах; на втором месте указание на место именуемого в мире – детерминант в именных группах или вспомогательный элемент в глагольных; на третьем месте признак – определение в именных группах или обстоятельство с *-ly* в глагольных; на четвертом – имя объекта или действия – существительное или глагол. Первые три места могут быть не заполнены. Но и отсутствие заполнения этих мест значимо, то есть инициирует определенную семантическую операцию, именно ту, для реализации которой и предназначено это место. Иначе говоря, английская речь построена так, чтобы мы обнаруживали ожидаемые различия в ожидаемых местах.

Ожидание определенных элементов в определенных местах в английской речи распространяется и на предложение в целом, поскольку наблюдаются два явления, с которыми английская стилистика безуспешно сражается более двух веков. Во-первых, это использование предлога в конце предложения при опущенном существительном: «This is the book I told you about» или «Don't use a preposition to end a sentence with». Там, где ожидается именная предложная группа, а ее использование, даже в местоименном варианте не нужно, ее представителем выступает предлог. Ожидание не обмануто.

Во-вторых, это «расщепленный» инфинитив, то есть помещение наречия с суффиксом *-ly* между инфинитивным показателем и основой: «I'd ask you to quickly do it», или «To definitely tell you about it, I'll have to make a detailed analysis». Структура инфинитива совпадает с формулой «вспомогательный элемент + основа глагола». Именно поэтому по семантическому ритму наречия с *-ly* и должны располагаться между так

называемой частицей и глаголом, что зачастую и происходит в устной речи, несмотря на активное сопротивление и протесты стилистов.

В других языках семантический ритм образуется на иных основаниях. Следует ожидать, что в восточнославянских языках основанием семантического ритма должны быть функциональные ожидания. Об этом свидетельствует нулевая связка именного сказуемого в настоящем времени, значимое колебание в падежной форме имени этих сказуемых в прошедшем и будущем и использование связки будущего времени в значении настоящего: Ученик: «2 и 7 будет 9». Учитель: «Не будет, а есть».

Второе воздействие, воздействие на коммуниканта, рассматривается в разных направлениях, исследующих прагматические аспекты языка. В прагмалингвистике как таковой эти операции получили название «иллокуция», вслед за Дж. Остином. К сожалению, чаще всего они толкуются в психологическом ключе как намерения говорящего, а не в коммуникативном, как воздействие на некоторые характеристики адресата. Кроме того, до сих пор не определены отношения между иллокуцией и семантикой знака (то есть отношений операций над знаками и операций при помощи знаков).

Для разработки объяснительной и прогностической теории языка нам нужно не метаться между психологией, социологией, философией, а ясно и глубоко осознать основную особенность языка, его коммуникативную обусловленность и, в связи с этим, отринуть так много помогавшую нам метафору «язык = вещь», признав необходимость рассматривать язык и его компоненты как операции в составе действий по организации любого вида человеческой деятельности.

Литература

1. Богушевич Д.Г. Коммуникативная модель языка // Белорусская ассоциация коммуникативной лингвистики.– Минск: МГЛУ, 1998, вып.1. - С. 7-11.
2. Богушевич Д.Г. Единица, функция, уровень // Минск: Высшая Школа, 1985. – 116 с.
3. Панкеева О.П. Обратная сторона пути. – Москва: Армада, 2011. – 443 с.
4. Chomsky N. Knowledge of Language: Its Nature, Origin and Use. – NY: Praeger, 1986. – 249 p.
5. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and Semantics: Speech Acts. - NY: Academic Press, 1975, vol. 3. - P. 42-58.
6. Leech G. Principles of Pragmatics. - NY, London: Longman, 1983. – 250 p.
7. Shaumyan S. Signs, Mind And Reality: A Theory Of Language As The Folk Model Of The World. - Amsterdam/Philadelphia: Yale University, USA John Benjamins Publishing Company, 2007. – 315 p.

References

1. Bogushevich D.G. Communicative language model / / Belarusian Association of communicative linguistics. - Minsk State Linguistic University, 1998, Issue 1. - p. 7-11.
2. Bogushevich D.G. Unit, function, level // Minsk Higher School, 1985. - 116.
3. Pankeeva O.P. Reverse side of the road. - Moscow: Armada, 2011. - 443.
4. Chomsky N. Knowledge of Language: Its Nature, Origin and Use. - NY: Praeger, 1986. - 249 p.
5. Grice H.P. Logic and conversation / / Syntax and Semantics: Speech Acts. - NY: Academic Press, 1975, vol. 3. - P. 42-58.
6. Leech G. Principles of Pragmatics. - NY, London: Longman, 1983. - 250 p.
7. Shaumyan S. Signs, Mind And Reality: A Theory Of Language As The Folk Model Of The World. - Amsterdam / Philadelphia: Yale University, USA John Benjamins Publishing Company, 2007. - 315 p.

(0,6 п.л.)